

Богатуров А.Д.

Применительно к изменениям в Сенате США, я думаю, что говорить о революции или перевороте – натяжка. По-моему, речь идет разве что о новом туре экспансии, на этот раз либеральной версии американской демократии, которая немного теснит консервативную. Демократы, может быть, и уже идут, но не понятно, как далеко они зайдут по сравнению с республиканцами и станут ли вообще отходить далеко в сторону в вопросах отношений с Москвой. Ситуации, когда демократы были в сенате, а республиканцы в администрации или наоборот, – это нормальная ситуация для Америки. И мы хорошо понимаем, судя по опыту, что "потеря Сената" далеко не всегда серьезно ограничивает администрацию.

Я пытаюсь избегать нормативности и поэтому не буду говорить о том, что надо делать, потому что, во-первых, я сам точно не знаю, что надо делать. Во-вторых, я точно знаю: независимо от того, что будет сказано или написано, слушать нас те, которые делают реальную политику, как Александр Александрович сказал справедливо, на своем уровне, будут весьма условно. Так что имеет смысл описать тенденции, которые развиваются независимо от того, нравятся они кому-то или не нравятся. Хотя чисто эмоционально, как нормальный русский человек, я переживаю происходящее, мне происходящее неприятно.

Я думаю, что ситуацию в российско-американских отношениях можно охарактеризовать как **"откладываемый кризис"**. Я ценю замечания коллег, которые сказали: то, что происходило до сегодняшнего дня и происходит сейчас, не является на самом деле признаком серьезного кризиса. Идет обычный "спазм аккомодации", новая администрация приспосабливается. Если допустить, что республиканцы были не глупее нас и что они, как и Светлана Александровна Червонная, тоже следили за тем, какой сдвиг может произойти в сенате в связи с колебаниями в их собственном стане, очень логично со стороны команды Буша было куражиться именно в эти месяцы – ведь теперь, после новой расстановки сил в сенате куражиться будет менее удобно.

Но это не значит, что России удастся избежать периода достаточно острых, неприятных разговоров между нами и американцами в обозримой перспективе. Я думаю, что будут, по крайней мере, три позиции, по которым противоречия трудно будет обойти.

Первое из них – все-таки любой вариант нарушения американцами договора по ПРО. Я думаю, что здесь очень серьезный настрой американцев в целом, а не только администрации Буша.

Вторая вещь – это второй этап расширения НАТО. Этого, может быть, не произойдет в ближайший год, но это точно стоит в повестке дня, особенно никто этого и не пытается скрывать. И нам тоже наивно делать вид, что мы об этом не думаем или думаем, что это удастся обойти.

И третье – это то, о чем в нашей печати никто не говорит, но на самом деле это фактически происходит: одним из выдающихся достижений эпохи Горбачева, я думаю, было то, что мы навязали американцам новый режим в советско-американских отношениях. Мы перешли от режима односторонних действий к режиму согласованных акций в сфере военной политики и обороны. И вот этот режим согласованности по факту нарушается. Американцы все время об этом говорят не только применительно к отношениям с Россией, но и применительно к отношениям с Европой, и вообще – "что хочу, то и ворочу". Эта новая амбиция, новый замах, американцы по-другому осознают свое место в мире, возможно, завышая его. Но то, что они перестали дорожить режимом согласованности в дипломатической практике, в стиле переговоров, мне кажется, что это – вещь очевидная. И она очень будет мешать разговору США с Россией в силу того мощного психологического комплекса, который был при Ельцине, и в другой, более умеренной форме перешел по наследству к Путину. Я думаю, что надо ждать плохих времен. Другое дело, что плохие времена – я вспоминаю историю – были между Соединенными Штатами и деголлевской Францией. Мы хорошо помним, до каких точек кипения доходили отношения в 60-е годы, потом все более-менее вернулось к партнерству. Это был особый тип партнерства. И вот с этого замечания об особом типе партнерства я хотел бы перейти ко второй позиции своего выступления.

Если говорить не о том, что надо, а о том, что на самом деле происходит, то диагноз 10 лет российско-американских отношений может быть описан двумя способами. Первый вариант – более приятный для нас. Мы можем сказать, что происходит формирование системы **"младшего партнерства"** между США и Россией. Это тяжело говорить, потому что мы сами говорим о равном партнерстве. Но равное партнерство категорически не получалось при Ельцине. И я сильно подозреваю, что оно не может получиться и при Путине, потому что внешнеполитический ресурс России существенно подорван, и не вижу реальных перспектив его заметного наращивания. Думаю, наверное, и дальше никто не будет произносить слова типа "младшее партнерство", но в случае сохранения конструктивного вектора отношений с американцами де-факто, дело может идти только об этом самом "младшем партнерстве", даже если мы будем употреблять какие-то другие слова.

Второй вариант понимания кое в чем похож на первый, но в нем сильнее обвинительный фактор. Согласно такому подходу политика США – это **"стратегия перемалывания"**. Ведь то, что американцы делают в отношении России, если смотреть в большом масштабе, – только часть задачи. Мне кажется, что речь идет не столько о том, что американцы пытаются выработать новую политику в отношении России, сколько о том, что они пытаются выработать новую политику в отношении Европы, России и Китая, имея в виду перестраивание, перекраивание всего евразийского политического, экономического пространства. Наверное, все это ориентировано на грядущую конкуренцию с китайцами. У каждого в этой игре есть собственная роль. Европейцы свою часть задачи называют "построением нового единого европейского политического и экономического пространства". Россия позитивными словами описывает свое отношение к идее нового европейского политического и экономического пространства и своей роли в нем. Но суть в том, что это самое новое пространство легче сформировать, когда участники этих процессов, сдвигов, колебаний будут не очень сильными. Если они будут послабее, они будут сильнее зависеть от США, и тогда процесс управляемого сдвига пойдет более плавно. США хотят обеспечить хорошо управляемый мирный сдвиг.

Для нас это большая проблема, потому что этот мирный сдвиг, менеджмент этого мирного сдвига предполагает разные формулы участия. Россию не столько пугает сдвиг как таковой, сколько то, что ее интересы на уровне принятия решений по поводу конфигурации, темпов, сроков, условий этого сдвига не учитываются. Нас обычно ставят перед фактом или почти перед свершившимся фактом, потом говорят: "Ну, чтобы вы не обижались, давайте к вам придет Мадлен Олбрайт; она вам расскажет, как она вас любит, в том числе каждого лично, отдельно". Такая вот психотерапия, которая до сих пор, надо сказать, работала.

Теперь третье. Какова в реальности тактика российской стороны в отношениях с США? То есть как мы реагируем на ситуацию. Если даже мы вслух не говорим о противоречиях, которые нас разделяют, интуитивно все-таки просматривается следующая формула – высказывать свое несогласие американцам, но избегать лобовых столкновений с ними. То есть это **"конфликт по касательной"** или, если мягко сказать, "спор по касательной".

Нынешнее российское руководство не боится говорить резкие, энергичные слова, обозначать свое несогласие, но всякий раз после сказанного аккуратно уходит в сторону. Может быть, в этой политике мало концептуализации. Но я думаю, что

так будет еще долго. Я не вижу возможности идти на противостояние с американцами. Хотя было бы ошибочно, неправильно, контрпродуктивно проводить линию на то, что делал, скажем, Козырев (пятилетняя эпоха безвременья). Такая версия внешней политики дискредитирована, в том числе в кругах новой экономической и политической элиты России.

Влияют ли другие страны на российско-американские отношения? Я бы не стал слишком высоко оценивать внешнее влияние. Мне кажется, что президент Путин – человек независимый и своей независимостью дорожащий. Он ловко противопоставляет разные партии вокруг себя, не позволяя ни той, ни другой поставить его под свое влияние. То же самое во внешней политике. Нет ощущения, например, что ему симпатично то, что предлагают китайцы. Мне кажется, наоборот. Он просто пытается использовать китайские предложения, чтобы продемонстрировать американцам, что Россия будто бы имеет китайскую альтернативу. Путин хочет таким образом отстоять для себя автономное пространство. Я думаю, что речь идет не о треугольнике, потому что треугольник предполагает достаточно высокую автономность всех трех составляющих. Здесь же речь идет о том, что Россия пытается расширить автономное пространство, чтобы ее не слишком придушили в своих "братских объятиях".

В целом, я думаю, администрация Путина будет больше ориентироваться на внутривластный консенсус, на внутривластные реформы. И для нее приоритет – чтобы Запад меньше вмешивался в то, что делает Путин внутри страны. Мне кажется, что внешнеполитическая повестка дня для нынешнего руководства занимает относительно второстепенное отношение, во всяком случае, относительно второстепенное по сравнению с тем, что было при Ельцине. Какие варианты здесь могут нас сближать или не сближать с американцами? Мне кажется, что в пользу сближения, в пользу сил, которые противостояли центробежным тенденциям, работает не меньше четырех сил. Я думаю, что за 10 лет мы стали все сильнее зависеть от американцев экономически – в торговле, технологии. Сфера наших независимых военных технологий сужается, американцы участвуют в наших важных технологических процессах – известно, ради чего и на каких условиях. Это признают, в том числе те люди, которые работают в военно-промышленном комплексе. На двустороннем уровне инвестиций не так много, объем торговли вроде бы небольшой. Но если посмотреть на косвенную зависимость России от тех областей международной экономики, в которую она уже включена объективно, и учесть, какое влияние оказывают Соединенные Штаты на принятие решений в этих областях, то картина вырисовывается совершенно другая. Вторая сила – элитная привязка. Я думаю, что за 10 лет сложился мощный российский слой, который привык увязывать свое экономическое благополучие, свое экономическое будущее с относительно стабильным, устойчивым развитием отношений с внешним миром, экономическими отношениями с Западом. В разных превращенных формах эти заинтересованные группы присутствуют и на уровне делового российского сообщества; они через известные механизмы хорошо представлены в путинском окружении, несмотря на борьбу Президента с олигархами. Ведь Путин странно боролся с олигархами. Он не боролся с олигархами как таковыми, а боролся только с "наглыми олигархами", которые пытались обнаруживать признаки политической нелояльности. Одних олигархов выгнали – других оставили. Их экономический интерес представлен хорошо. Я уверен, что за 10 лет произошла сильная экономизация внешней политики Российской Федерации. Просто внешняя политика Российской Федерации стала обслуживать не национальный интерес как экономический интерес государства, а интерес нового экономического слоя. И в этом смысле она была по-своему эффективной.

Третье – социально-культурная установка. Если посмотреть не только на молодежь, но и лиц среднего возраста, то заметно желание сознательно или полусознательно имитировать американский образ жизни – традиции, как бы мы его не ругали, потребительского общества, завышенные стандарты бытия. Все вещи очень глубоко укоренены. Я думаю, что этот фактор будет играть, несомненно, стабилизирующую роль с точки зрения того, что сама идея конфликта, разрыва, отчуждения с американцами будет казаться странной все большей массе населения.

И, наконец, четвертое. Оно тоже относится к психологии в политической области. Это комплекс неуверенности. Я думаю, что если бы российская элита, широкие массы российских граждан и российское руководство всерьез думало, что они в силах потягаться с американцами, они бы уже стукнули кулаком. Мне кажется, что уже была парочка ситуаций, когда очень сильно хотелось стукнуть всем, даже оставившему, наконец, нас в покое президенту Ельцину. Но ограничитель есть: есть желание, но силы нет. Эта вещь преодолимая, но на сегодняшний день это – серьезная вещь. Я бы на этом остановился. Спасибо за внимание.